

Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори*

© 2018

Дмитрий Олегович Добровольский^{а, @},
Алексей Дмитриевич Шмелев^{а, б, в}

^а Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

^б Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^в Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия; @dobrovolskij@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются русские лингвоспецифичные выражения и их корреляты в переводах на другие языки. Статья может быть условно разделена на две части. В первой, основной части (разделы 1–3) развиваются и уточняются общие положения, касающиеся различных стратегий перевода, выдвинутые в более ранних публикациях авторов данной статьи. Выдвигается и проверяется гипотеза о соотношении преобладающей стратегии перевода и способа передачи лингвоспецифичных выражений. Обсуждается положение, согласно которому индивидуальные особенности стиля автора оригинального текста и стратегия перевода определяют возможность использования материала данного текста в сопоставлении с переводом в качестве эмпирической базы для исследования семантических и прагматических свойств лингвоспецифичных выражений. Вторая часть (раздел 4) — это исследование конкретного случая (case study): в этом качестве использованы тексты из немецкого и английского параллельных корпусов НКРЯ, содержащие русское выражение *что ни говори* либо как стимул, либо как реакцию. Делается общий вывод, что в зависимости от идиостиля автора оригинального текста и стратегии переводчика степень надежности корпусных данных для лингвистических целей различна.

Ключевые слова: идиостиль, корпус, лингвоспецифичные выражения, стратегии перевода

Для цитирования: Добровольский Д. О., Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори* // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 34–48. DOI: 10.31857/S0373658X0001395-3.

Благодарности: Статья написана при поддержке РНФ, грант № 16-48-03006 (проект «Семантический анализ переводов в сопоставительной культурной перспективе и культурная специфичность в обучении языку»).

Russian language-specific items and their correlates in translation: The case of *что ни говори* ‘say what you will’

Dmitrij O. Dobrovol'skij^{а, @}, Alexei D. Shmelev^{а, б, в}

^а Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^б Moscow State University of Education, Moscow, Russia; ^в St. Tikhon's Orthodox
Humanitarian University, Moscow, Russia; @dobrovolskij@gmail.com

Abstract: The paper deals with Russian language-specific items and their correlates in translation into other languages. The first part (sections 1–3) develops and refines general claims made in earlier publications by the present authors. It discusses various translation strategies and tests the hypothesis of the correlation between the predominant translation strategy and the role of language-specific expressions. The paper also puts forward the claim that the individual style of the author of the original text as well as the translator's predominant strategy influence the validity of data for the study of language-specific expressions. The second part (section 4), as a case study, uses the texts from the German and English parallel corpora of the Russian

National Corpus containing the Russian expression *chto ni govori* 'say what you will' either as a stimulus or as a reaction. The conclusion is that the degree of reliability of corpus data for linguistic purposes may vary depending on the individual style of the original writer and the translator's strategy.

Keywords: corpus, individual style, language-specific expressions, translation strategy

For citation: Dobrovol'skij D. O., Shmelev A. D. Russian language-specific items and their correlates in translation: The case of *chto ni govori* 'say what you will'. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 5. Pp. 34–48. DOI: 10.31857/S0373658X0001395-3.

Acknowledgements: This paper is based on work supported by Russian Science Foundation, project No. 16-48-03006 (Semantic Analysis of Translated Texts for Comparative Cultural Studies and Cultural Specificity in Language Learning).

1. Возможен ли «точный» перевод?

При изучении специфики зафиксированных в разных языках картин мира целесообразно учитывать переводческую проблематику, поскольку в качестве инструмента эмпирической проверки в таких случаях используются данные параллельных корпусов (имеются в виду серьезные исследования). А параллельные корпусы содержат, как правило, единичные переводы. И то, что можно принять за отсутствие межъязыковой эквивалентности, восходящее к языковой и культурной специфике, рискует оказаться особенностью идиостиля отдельных переводчиков.

Споры о том, возможен ли «точный» («верный», «адекватный») перевод и всегда ли он возможен, иногда базируются на предположении, что мы понимаем, что такое «точность» перевода. Однако это предположение ложно. На самом деле перевод может преследовать различные цели и должен оцениваться сообразно этим целям. Упрощенно говоря, можно различить две установки перевода. Одна из них ориентирована в первую очередь на автора в том смысле, что она направлена на то, чтобы передать все, что автор «имел в виду» («хотел сказать»). Для этой цели могут использоваться примечания, комментарии и т. п.; в результате адресат получает более или менее полное знание о семантическом содержании оригинального текста, но непосредственное впечатление разрушается. Эта установка более характерна для «научных» переводов. Другая установка в большей степени ориентирована на адресата и направлена на то, чтобы иноязычный адресат мог непосредственно воспринять содержание. Эта установка более характерна для переводов, не предполагающих анализ: переводов богослужения, фильмов, «художественных» переводов. При этом выбор установки определяется целями перевода; не может быть универсальной стратегии, пригодной во всех случаях (ср., в частности, [Шмелев 2012]).

Проблема возможности точного перевода известна с незапамятных времен и активно обсуждалась не только с точки зрения «теории перевода», но в первую очередь с точки зрения решения практических задач. Так, решение вопроса о возможности перевода Библии (в том числе на экзотические языки) является одной из предпосылок миссионерской деятельности. Часто трудности перевода обусловлены коренным различием культур и невозможностью выразить на языке реципиента то, что сказано в оригинале. Яркие примеры возникающих в связи с этим трудностей приводятся в многочисленных работах, посвященных переводам библейских текстов (ср., например, [Beekman, Callow 1974; Ларсон 1993]).

Как мы отмечали в ряде предыдущих работ, едва ли не самую большую трудность для перевода представляют языковые выражения языка оригинала, содержащие в качестве «скрытых смыслов», «презумпций» (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения и т. д.) представления, которые не содержатся в качестве «презумпций» в языковых выражениях языка перевода. Эти «презумпции» воспринимаются как нечто само собою разумеющееся носителями языка оригинала, но не языка перевода. Такие языковые выражения часто создают ощущение «непереводимости» (как написано в статье [Зализняк, Левонтина 2005: 333], «труднее всего перевести в словах то, что в них как бы и не сказано»). Переводчик, как правило, стремится точно передать те компоненты смысла, которые

находятся в фокусе внимания. Фоновых компонентов он часто вообще не замечает, а если и заметит, то нередко бывает готов ими пожертвовать. Следует иметь в виду, что, пытаясь передать их средствами другого языка, он почти неизбежно привлечет к ним внимание, переведет их из почти незаметного «фона» в фокус, а это также будет искажением исходного смыслового задания. Иными словами, если мы попытаемся эксплицировать «презумпции» на языке перевода, будет утрачен их «презумптивный» статус; но в противном случае соответствующий смысл вообще не будет выражен [Шмелев 2012]¹.

Аналогичным образом при общении с представителями иных культур человек, говорящий на неродном языке, стоит перед выбором: использовать модели (*conversational routines*) языка общения, обременяя свое высказывание смыслами, чуждыми исходному коммуникативному намерению, или обращать на себя внимание нестандартностью речевого поведения и излишне акцентировать смыслы, которые на родном языке оставались бы «в тени».

В приведенных рассуждениях и в дальнейшем в настоящей статье речь идет о межъязыковом переводе. Однако все сказанное может касаться межкультурной коммуникации и вне непосредственных рамок перевода, например, когда человек воспринимает текст на чужом языке через призму родного языка (и вычитывает из текста вовсе не те «скрытые» смыслы, которые имел в виду в него вложить автор).

2. О стратегиях перевода художественных текстов

Если обратиться к переводам художественных текстов, можно подумать, что переводчик всегда хочет произвести то же впечатление, которое оригинальный текст производит на носителя языка оригинала. Однако это не так. Во-первых, встает вопрос, что имеется в виду под читателем оригинала. Этот вопрос актуален, прежде всего, когда речь идет о переводе литературных произведений прошлых веков. В этом случае перевод может в принципе преследовать разные цели, по-разному соотносящиеся с динамикой узуса. Он ориентируется либо а) на восприятие оригинала в эпоху его создания, либо б) на его восприятие современным читателем. Иными словами, если речь идет о художественном произведении, написанном в прошлом (например, о романах и повестях русской классической литературы), перевод типа (а) должен последовательно игнорировать все языковые особенности оригинала, связанные со спецификой узуса в соответствующую историческую эпоху, так как читатель того времени не воспринимал их как маркированные. Напротив, перевод типа (б) должен учитывать все подобные моменты, поскольку современный читатель воспринимает их как существенные языковые особенности, отличающие оригинал от текстов, написанных в соответствии с ныне действующими нормами. См. об этом подробнее [Гак 1999; Добровольский 2007].

Во-вторых, встает вопрос: с помощью каких средств переводчик стремится достичь результата, то есть построить текст, который произведет на читателя перевода впечатление, максимально близкое к впечатлению, производимому оригиналом. Если переводчик стремится к сохранению языковых особенностей оригинала, это может привести к затруднению восприятия смысла или по крайней мере к коммуникативным сдвигам (ср. изложенную выше проблему экспликации скрытых смыслов). Если же переводчик главным для себя считает верность коммуникативному намерению автора, жертвуя теми или иными особенностями формального выражения этого намерения, результат окажется не вполне удовлетворительным по другому основанию: в переводе будут потеряны какие-то особенности оригинала, причем, возможно, значимые с эстетической точки зрения.

Полностью исчислить все возможные стратегии перевода едва ли возможно, тем более что различия между стратегиями не всегда получают однозначное языковое отражение. Огрубляя картину, можно говорить о двух противостоящих друг другу стратегиях: это либо

¹ Ср. замечание о значимости стабилизированных типов ассоциаций для оценки адекватности перевода в статье [Дорошевский 1974: 25].

техника перевода, ориентированная на максимально адекватную передачу смысла (назовем ее **стратегия смысла**), либо техника перевода, ориентированная на передачу особенностей формы (назовем ее **стратегия формы**).

Переводчик, следующий принципам **стратегии смысла**, сознательно устраняет все препятствия на пути понимания текста и жертвует, таким образом, теми особенностями его формы, которые могут вызвать затруднения понимания. Это не означает, что в переводе такого типа не сохраняется никаких индивидуальных языковых особенностей оригинала. Все, что оказывается переводимым в рамках действующих норм без ущерба для понимания мысли автора, сохраняется в переводе². Следуя принципам **стратегии формы**, переводчик, напротив, часто вынужден жертвовать смысловой прозрачностью в угоду максимальной точности при передаче нетривиальных особенностей построения текста, его отдельных характерных элементов и пр. Эти нестандартные особенности текста могут быть как маркерами индивидуального стиля автора, так и языковыми структурами, характерными для эпохи создания оригинала. Последние менее значимы для следования идеалам верности оригиналу, чем первые. Тем не менее на практике их бывает трудно различить³. Таким образом, будучи ориентированным на языковую форму, перевод данного типа не просто является продуктом реализации филологической стратегии, но и имитирует восприятие оригинала скорее современным читателем.

Описанные здесь стратегии коррелируют, хотя и не совпадают полностью, с известными противопоставлениями, выделяемыми в работах по теории перевода. Ср., например, [Reiß 1995: 21–23], где выделяется **коммуникативный** и противопоставленный ему по ряду параметров **филологический перевод**, называемый также **герменевтическим** (активными проповедниками герменевтического перевода были, в частности, Ортега-и-Гассет и Набоков; при этом, когда Набоков переводил собственные тексты, он ни в коей мере не следовал этим принципам). Противопоставление коммуникативного и филологического переводов коррелирует с другой известной по специальной литературе оппозицией, а именно: *covert vs. overt translation*. *Covert translation* — это перевод, построенный так, чтобы читатель не ощущал, что перед ним не оригинальный текст, а перевод с другого языка. *Overt translation* — это такой текст на языке цели (L2), по которому видно, что он переведен с другого языка.

Поскольку в переводе, следующем **стратегии смысла**, малопонятные места (как и места, тормозящие восприятие содержания) сознательно устраняются, результат часто представляет собой текст, выполненный в традициях *covert translation*. А при переводе, ориентированном на **стратегию формы**, результирующий текст с неизбежностью содержит маркеры принадлежности к языку и культуре, чуждым для читателя; перевод, выполненный в соответствии с принципами стратегии формы, — это почти всегда *overt translation*. Перевод в этом случае выполняется в технике *close translation* [Newmark 1993: 18, 153], то есть максимально близко к тексту оригинала⁴.

При этом следует иметь в виду, что корреляция здесь не абсолютная. Стратегия смысла в общем случае не предполагает устранение реалий, характерных для культуры, в рамках которой создавался оригинальный текст (устраняются лишь собственно языковые черты, чуждые L2), а *covert translation* чаще всего устраняет все, что может вызвать затруднения у носителя L2, в том числе реалии, отсутствующие в его культуре.

Стратегия формы коррелирует (по крайней мере до известной степени) с так называемой **форенизацией** текста, а стратегия смысла — с его **доместикацией**. Перевод, выполненный в соответствии со стратегией формы, иногда производит впечатление текста, который мог бы породить на языке перевода носитель языка оригинала. При этом и здесь корреляция лишь частичная: стратегия смысла обычно не предполагает полную доместикацию.

² Разумеется, следование стратегии формы не предполагает дословного перевода, нарушающего нормы принимающего языка [Федоров 1983: 131–132].

³ Ср. обсуждение близких по сути проблем в известной работе [Delabastita 1993: 33–39].

⁴ См. об этом также [Рябцева 2012: 24].

Можно сказать, что доместикация представляет собою насилие над оригиналом: переводчик жертвует деталями, непонятными носителю L2 или заменяет их аналогичными деталями, присущими его культуре; тем самым смысл передается лишь в самом общем виде. Напротив, стратегия смысла ориентирована на как можно более точную передачу содержания оригинального текста.

В то же время следует учитывать специфику творческого метода автора оригинального текста. Здесь представляется релевантным следующее наблюдение М. Ю. Михеева и Л. И. Эрлиха, произведших подсчеты частоты употребления различных лингвоспецифичных слов разных авторов XIX — начала XX в. [Михеев, Эрлих 2018: 32]: «Среди проанализированных авторов можно выделить, с одной стороны, тех, кто владеет более “агрессивным” дискурсом: это писатели, которые активно эксплуатируют собственные авторские предпочтения, внедряя в речь ключевые, или “ударные” словечки и выражения, стремясь как бы изменить, деформировать сам язык (Толстой, Достоевский, Гоголь), а с другой стороны, тех, у кого дискурс скорее пассивно-традиционный, выделяющийся, наоборот, более **неупотребительностью** и **не-поддержкой** каких-либо и чем-либо выделяющихся, “ключевых” (для кого-то другого) слов и выражений, т. е. это группа писателей-“охранителей” языка, придерживающихся литературной нормы, не меняющих ее, а ей следующих, утверждающих ее в своих текстах (таковы Бунин, Тургенев, и, как ни странно, Набоков)». Получается (если принять это наблюдение), что в переводе одних авторов следование лексическим предпочтениям, включая навязчивые повторы, — значимый элемент стратегии перевода, а у других — нет. Чтобы передать особенности стиля писателей второго типа, надо переводить максимально «нормальным» языком. Тем самым для авторов второго типа стратегии формы предполагает следование нормам принимающего языка и не предполагает «форенизации».

Естественно, ни одна из стратегий не реализуется в чистом виде. В каждом конкретном случае переводчик не ориентируется на абстрактные принципы, а принимает — часто интуитивное — решение о том, чем можно пожертвовать (а какие-то потери в переводе неизбежны), а что является наиболее значимым. Иными словами, в конкретных случаях каждый переводчик выбирает свою доминанту перевода, то есть то, что ему особенно важно сохранить. Однако в целом любой перевод того или иного литературного произведения обнаруживает определенные тенденции, то есть воспринимается либо как стремящийся к реализации стратегии формы, либо как придерживающийся стратегии смысла. Эти тенденции можно «вычислить» по определенным, наиболее чувствительным с точки зрения выбора стратегии точкам.

В тексте оригинала могут быть определены некоторые «реперные точки», то есть структуры, которые по своей природе требуют от переводчика нетривиальных решений. В [Добровольский 2003] был предложен набор реперных точек, служащих в качестве диагностических ориентиров при оценке доминирующей стратегии перевода. Ср., например, лексические единицы, особенно часто употребляемые данным автором (излюбленные слова). Перевод, следующий принципам **стратегии формы**, должен по возможности употреблять для таких слов единообразные соответствия, избегая излишней синонимии, в то время как **стратегия смысла** скорее допускает синонимические замены, позволяющие в большей степени соблюсти сочетаемостные нормы языка цели. К реперным точкам относятся также имена собственные определенных типов. Например, названия ресторанов, трактиров и гостиниц могут, в зависимости от выбранной стратегии, либо переводиться, либо транслитерироваться. Функцию реперных точек могут выполнять также и идиомы. Хотя идиомы, не имеющие в языке цели фразеологических квазиэквивалентов, традиционно относят к области «непереводимого в переводе», они в ряде случаев допускают буквальный или близкий к буквальному перевод⁵.

⁵ Более того, иногда, если речь идет о культурно значимом тексте, буквальный перевод идиомы может приводить к появлению новой идиомы в языке перевода. Это имело место в отношении многих библейских идиом (библейзмов) в европейских языках.

Далее, к реперным точкам относятся названия переводимых произведений. В зависимости от выбранной доминанты они могут переводиться буквально или же весьма свободно, как бы предлагая читателю уже на этом уровне свою — часто поддерживаемую сложившейся в принимающей культуре традицией — интерпретацию основной идеи произведения. При этом переводчик должен быть внимателен не только к названию переводимого произведения, но и к названиям произведений, упоминаемых в тексте. В переводе «Группового портрета с дамой» Генриха Бёлля переводчица Л. Черная написала: «...всего год назад она видела фильм под названием “Почта”, где действовали почти сплошь русские, в том числе одна русская девушка». В оригинале упоминался фильм «Der Postmeister». Переводчица не поняла, что это вольная экранизация повести Пушкина «Станционный смотритель» (название повести Пушкина традиционно переводилось на немецкий язык именно как «Der Postmeister»).

3. Примеры реализации различных переводческих стратегий

Обсуждаемые различия можно показать на материале немецких переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот»⁶. Перевод Хартмута Хербота представляется образцом реализации **стратегии смысла**, а перевод Светланы Гайер — **стратегии формы**. Выше уже указывалось на функцию транслитерации при переводе имен собственных определенного типа как показателя тенденции придерживаться стратегии формы. Так, название гостиницы *Весы* из романа «Идиот» переводится Х. Херботом с помощью немецкого слова *Waage* и транслитерируется С. Гайер в форме *Wessy*.

Транслитерация может использоваться не только в передаче средствами L2 имен собственных, но и любых практически непередаваемых понятий. Наиболее ярким и широко обсуждавшимся примером является употребление искусственного слова *Nadryw* как эквивалента русского *надрыв* в переводе «Братьев Карамазовых» С. Гайер. *Надрыв* — одно из ключевых слов поэтики Достоевского, что неоднократно отмечалось в специальной литературе. В «Братьях Карамазовых» этому понятию отводится центральное место: оно фигурирует в названиях глав, его употребляют разные герои романа, оно присутствует и в авторской речи. Это *key word*, в терминологии П. Ньюмарка [Newmark 1993: 18, 153]. Соответственно, *надрыв* относится к числу значимых доминант перевода, что требует от переводчика невероятной точности и осторожности при обращении с этим словом. А достичь точности «нормальными» средствами практически невозможно, поскольку у слова *надрыв* в немецком языке (как и во многих других) нет удовлетворительных соответствий. «В этом слове в концентрированном виде содержится настоящий психологический этюд. *Надрыв* предполагает такое эмоциональное состояние, когда человек не справляется со своими чувствами: эмоции либо захлестывают его, заставляя забыть о мере и вкусе, а то и о приличиях, либо, напротив, оказываются вымученными и нарочитыми. Кроме того, *надрыв* подразумевает некое мазохистское самолюбование, а также истерическую исповедальность, которая корбит окружающих» [Левонтина 2005: 247].

Любые попытки подыскать слову *надрыв* немецкие соответствия (ср. *Schmerzekstase*, *wunde Stelle*, *Überspanntheit*, *Übersteigerung*) следует признать неудачными⁷. Таким образом,

⁶ Основной источник эмпирических данных — это русско-немецкий корпус параллельных текстов, создаваемый в Австрийской академии наук в рамках проекта «Корпус Австрийской академии» (AAS-Austrian Academy Corpus). Из существующих переводов романа «Идиот» для включения в корпус отобраны три: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э. К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX в. и затем многократно переиздававшийся. В дальнейшем изложении сравниваются и противопоставляются переводы Х. Хербота и С. Гайер.

⁷ Ильма Ракуса пишет по этому поводу: «Swetlana Geier hat in ihrer jüngsten Übertragung den Begriff als *terminus technicus* übernommen, mit der Begründung, er sei unübersetzbar. In der Tat sind deutsche Lösungen wie ‘Schmerzekstase’ (Fjodor Stepun), ‘wunde Stelle’ (E. K. Rahsin), ‘Übersteigerung’ (Werner Creutziger) nur Annäherungen. Ein Pendant steht nicht zur Verfügung, als wäre die Sache selbst unbekannt»

решение С. Гайер — при всей его необычности и кажущейся экзотичности — представляется самым правильным и являет собою один из ярких примеров адекватного применения техники перевода, ориентированной на форму. Косвенным подтверждением удачности этого приема является тот факт, что слово *Nadryw* вошло в лексикон немецкого языка. Ему посвящена даже отдельная статья в немецкой Википедии.

Подобные случаи транслитерации труднопереводимых слов, безусловно, относятся к реперным точкам, по которым может определяться склонность переводчика следовать принципам стратегии формы.

Очевидно, что перевод художественных произведений представляет собой в высшей степени индивидуальный творческий процесс. Следовательно, любая типологизация в этой области может отражать лишь некие достаточно общие тенденции. Встает вопрос, в чем цель выявления доминирующей переводческой стратегии в том или ином конкретном тексте. Для критики перевода, а также некоторых дисциплин, разрабатываемых в рамках теории перевода, значимы, по-видимому, конкретные решения, с большим или меньшим успехом отражающие художественные достоинства оригинала. С этой точки зрения выделение таких достаточно абстрактных категорий, как предлагаемые здесь переводческие стратегии, вряд ли представляет серьезный интерес. Однако с лингвистической точки зрения разграничение подобных стратегий обладает несомненной эвристической ценностью. Сопоставление различных переводов одного и того же текста дает ценный эмпирический материал для контрастивных исследований как в области лексической семантики и лингвистической прагматики, так и в области синтаксиса. При этом важно понимать, на какую стратегию ориентирован тот или иной перевод. Понятно, что, например, для изучения межъязыковых различий в области прагматических конвенций в качестве материала подходят только переводы, следующие принципам **стратегии смысла**, поскольку **стратегия формы** предполагает сознательный отход от прагматических конвенций языка цели.

Выявление стратегии перевода оказывается необходимой предпосылкой для использования параллельных корпусов в целях исследования особенностей семантики лингвоспецифичных слов языка перевода. В общем случае, если переводчик последовательно придерживается стратегии формы и стремится передать все формальные особенности оригинального текста, то шансы на то, что текст перевода будет содержать лингвоспецифичные единицы принимающего языка, весьма малы. Напротив, если переводчик ориентируется на стратегию смысла, весьма велики шансы на то, что текст перевода будет содержать много лингвоспецифичных единиц, употребленных в полном соответствии с нормами принимающего языка. При этом наличие оригинального текста, содержащего стимулы для употребления этих лингвоспецифичных слов, позволяет проникнуть в секреты их значения и употребления.

Однако, как уже говорилось (со ссылкой на наблюдения Михеева и Эрлиха), стоит учитывать специфику творческого метода автора оригинального текста. Для «писателей-охранителей», использующих «пассивно-традиционный» дискурс, стратегия формы предполагает следование нормам принимающего языка и, таким образом, тексты, выполненные с ориентацией на эту стратегию, также могут рассматриваться как источник сведений о его лингвоспецифичных словах и выражениях.

4. Case study

Дискурсивная конструкция *что ни говори* представляет для перевода определенные трудности и поэтому может рассматриваться как диагностическая единица при определении

(«Светлана Гайер в своем недавнем переводе заимствует это понятие как *terminus technicus*, обосновывая это тем, что оно непереводаемо. Действительно, такие немецкие переводы как ‘Schmerzekstase’ (Федор Степун), ‘wunde Stelle’ (Э. К. Разин), ‘Übersteigerung’ (Вернер Кройцигер) — это лишь приблизительные соответствия. Настоящий эквивалент отсутствует, как если бы само явление было неизвестно» (перевод мой. — Д. Д.) [Rakusa 2004: 30].

стратегии перевода. Показательно, что автоматические переводчики часто дают совершенно неадекватные переводы рассматриваемой единицы: так, для фразы *Что ни говори, это хорошо* Google (дата обращения 15.12.2017) предлагает перевод на немецкий язык *Was immer du sagst, es ist gut*, что не только нарушает правила расстановки слов, но и полностью искажает смысл исходного высказывания. Перевод Яндекса немногим лучше с точки зрения смысла и к тому же еще заметнее нарушает правила порядка слов: *Was auch immer Sie sagen, es ist gut*. Переводы на английский язык и у Google'a и у Яндекса несколько лучше (в обоих случаях *Whatever you say, it's good*), но все же характеризуются семантическим сдвигом, связанным с излишним буквализмом.

Представляется целесообразным сначала проанализировать способы перевода этой русской конструкции на другие языки (в данном случае на немецкий и английский), а затем посмотреть, какие стимулы в немецком и английском языке могут провоцировать появление этой конструкции в тексте перевода. С точки зрения выбора переводческой стратегии это разные задачи. Обращение к корпусам, в которых русский язык является исходным (они, кстати, в [НКРЯ] весьма немногочисленны по сравнению с основным корпусом), позволяет оценить, насколько переводчику было важно максимально точно воспроизвести саму форму русского выражения *что ни говори*, а в каких случаях доминантой перевода было стремление донести до читателя содержание высказывания⁸. При обращении к произведениям, написанным на немецком или английском языке и переведенным на русский, ожидается, с одной стороны, получить ответ на вопрос, какие немецкие и английские слова и фраземы могут выражать смыслы, близкие к значению русского *что ни говори*, а с другой — насколько передача семантики исходных единиц вообще входила в задачи переводчика.

В русско-немецком корпусе НКРЯ встречаются в основном переводы, близкие к дословным: *was man auch sagen mag / mochte / möge; man mag sagen, was man will; da sage einer, was er will; was man auch einwenden mag*. Ср. (1) и (2), где в русском оригинале употребляется вариант конструкции *кто что ни говори*. Иногда конструкция *что ни говори* вообще никак не переводится. Ср. (3). (Все ссылки на примеры из Национального корпуса русского языка приводятся в том виде, в каком эти примеры содержатся в НКРЯ.)

- (1) — Еще бы! *Что ни говори*, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 1–4) (1873–1877)].
„Es wäre auch schlimm, wenn's nicht der Fall wäre!“ erwiderte Stepan Arkadjewitsch. „*Man mag sagen, was man will, das ist einer der schönsten Lebensgenüsse*“ [Anna Karenina (1.–4. Teile). Lew Tolstoi (Hermann Röhl, 1913)].
- (2) *Кто что ни говори*, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают [Н. В. Гоголь. Нос (1836)].
Man mag sagen, was man will, solche Ereignisse kommen wirklich vor, — selten, aber sie kommen vor [Die Nase. Nikolaj Gogol (Alexander Eliasberg, 1922)].
- (3) В прошлую ночь, например, я утешал себя тем, что всё время думал: ах, как прав Толстой, безжалостно прав! И мне было легче от этого. В самом деле, брат, великий писатель! *Что ни говори* [А. П. Чехов. Дуэль (1891)].
Vorige Nacht habe ich mich so mit dem ewigen Gedanken getröstet: Wie recht hat doch Tolstoi, wie erbarmungslos recht! Und davon wurde mir leichter. Wahrhaftig, er ist ein großer Dichter [Ein Zweikampf. Anton Tschschow (Korfiz Holm, 1919)].

То, что контекстов немного (в русско-немецком корпусе НКРЯ всего 9 вхождений), для наших целей не так уж значимо, поскольку задача не в выявлении наиболее частотных соответствий в других языках, а в анализе предпочтительных приемов, характерных для

⁸ К сожалению, в тексте «Идиота» Достоевского выражение *что ни говори* не встречается ни разу, что не позволяет использовать материалы различных переводов этого романа на немецкий язык, содержащиеся в Австрийском корпусе.

конкретных переводчиков. В этом отношении даже такой небольшой по объему материал дает интересные результаты.

Переводчик «Мертвых душ» Н. В. Гоголя Михаэль Пфайфер последовательно предлагает однотипные способы передачи на немецком языке выражения *что ни говори*. Эта конструкция встретила в «Мертвых душах» пять раз. Из них три раза в переводе использовано выражение *was man auch sagen mag* (с вариантами формы спрягаемого глагола *was man auch sagen möge* и *was man auch sagen mochte*):

- (4) а. ...ведь *что ни говори*, а против слова-то Божия не устоишь [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
Was man auch sagen mag, dem Wort Gottes kann keiner widerstehen [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].
- б. В самом деле, *что ни говори*, не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек! [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
In der Tat, was man auch sagen mochte — nicht nur tote Seelen, sondern auch entlaufene, und alles in allem über zweihundert Stück! [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].
- в. Ибо, *что ни говори*, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
Denn was man auch sagen möge — wenn Tschitschikow nicht auf diesen Gedanken gekommen wäre, hätte diese Dichtung nicht das Licht der Welt erblickt [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

В двух остальных случаях М. Пфайфер использует очень близкие по форме и значению конструкции, ср. (5).

- (5) а. *Что ни говори*, — сказал он сам себе, — а не подоспей капитан-исправник, мне бы, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
Was man auch einwenden mag, sagte er sich, wenn nicht der Kreispolizeichef rechtzeitig gekommen wäre, hätte ich vielleicht niemals mehr Gottes schöne Welt gesehen! [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].
- б. ...ибо видеть свет, коловращенье людей — *кто что ни говори*, есть как бы живая книга...» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
Denn die Bekanntschaft mit der Welt und dem Treiben der Menschen — da sage einer, was er will, das ist wie ein lebendes Buch... [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)]⁹.

По крайней мере относительно способов перевода данной дискурсивной конструкции М. Пфайфер однозначно предпочитает стратегию формы. То, что заложенный в этой русской конструкции смысл может передаваться весьма разными способами, хорошо видно из анализа немецко-русского корпуса (см. ниже). Таким образом, у переводчика есть значительная свобода выбора, и такое верное следование букве оригинала свидетельствует о сознательном решении.

Несколько иная картина наблюдается в русско-английском корпусе. Из пяти встретившихся в корпусе контекстов в трех конструкция *что ни говори* не переводится вообще никак¹⁰, причем иногда выпускается целый кусок текста (6). В НКРЯ такие случаи отмечаются знаком «**». В русском оригинале мы выделили пропущенный кусок.

⁹ Этот способ перевода может объясняться еще и тем, что в русском оригинале использована форма *кто что ни говори*.

¹⁰ В двух остальных случаях употребляются формы *after all* (что достаточно точно передает смысл выражения *что ни говори*) и *but*.

- (6) — Ведь вот купчую крепость — всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; **сказал бы какое-нибудь поучение: ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.** «Ну, ты, я думаю, устоишь» — подумал про себя Чичиков и произнес тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счет [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].
 «But a deed of such a kind will entail certain expenses. And lawyers are so devoid of conscience! In fact, so extortionate is their avarice that they will charge one half a rouble, and then a sack of flour, and then a whole waggon-load of meal. I wonder that no one has yet called attention to the system». **. Upon that Chichikov intimated that, out of respect for his host, he himself would bear the cost of the transfer of souls [Nikolay Gogol. Dead Souls (D. J. Hogarth, 1931)].

Интересно, что во всех случаях, в которых пассаж, содержащий выражение *что ни говори*, был выпущен, речь идет о переводе «Мертвых душ»¹¹. Это позволяет предположить, что Ч. Хогарт (названный на титульном листе перевода Д. Хогартом), в отличие от М. Пфайфера, ориентировался в своем переводе не столько на максимально точное воспроизведение языковых особенностей оригинала, сколько на передачу смысла, не считая необходимым сохранить в переводе те реплики и размышления героев, которые не продвигали развитие сюжета и не способствовали пониманию психологических мотивов персонажей. До какой-то степени это различие в выборе стратегии перевода объясняется, видимо, сменой доминирующих тенденций в переводческой практике: английский перевод Хогарта был впервые издан в 1916, а немецкий М. Пфайфера — в 1965 г. Естественно, это предположение нуждается в более точной проверке¹².

Обращение к немецко-русскому и англо-русскому корпусам позволяет оценить, какие немецкие и английские выражения могут выступать в качестве аналогов русской дискурсивной конструкции *что ни говори*, чем их значение отличается от значения этой русской конструкции, и хотя бы поставить вопрос, почему эти немецкие и английские аналоги не использовались (по крайней мере в нашем материале) при переводе русских оригиналов. Первое, что бросается в глаза, — это существенно большее разнообразие немецких и английских форм, выступающих как стимулы (то есть в корпусах, где русский — язык перевода), по сравнению с корпусами, где русский — язык оригинала. В немецко-русском корпусе встретилось шесть контекстов. В качестве стимулов в немецком оригинале используются *doch* (2 раза), *schließlich*, *was man sagen mag*, *dennoch*, *immerhin* и *einmal*. Интересно, что за исключением контекста (7) с формой *was man sagen mag* нигде не встречается немецкое выражение, напоминающее по форме *что ни говори*. Однако оно часто появляется в тех случаях, когда немецкий является языком перевода и переводчик употребляет это выражение под влиянием русского *что ни говори*. Это подтверждает известный тезис о зависимости выбора способа перевода от формы оригинала.

- (7) *Was man sagen mag*, so ist es etwas Angenehmes, wenn beim Erwachen morgens in dem großen, mit hellem Stoff tapezierten Schlafzimmer die erste Bewegung der Hand eine schwere Atlassteppdecke trifft [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)].
Что ни говори, а приятно утром проснуться в просторной спальне, обитой светлым штофом, и тут же ощутить под рукой атлас тяжелого стеганого одеяла [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

¹¹ Лишь в одном случае выражению *что ни говори* сопоставлен в переводе некоторый — пусть и весьма приблизительный — аналог. Ср. контекст (5а) и его английский перевод: “But for the Superintendent,” he reflected, “I might never again have looked upon God’s daylight!”. Контекст (5б), как и весь 2-й том «Мертвых душ», вообще отсутствует в русско-английском корпусе.

¹² В [Мороз 2010: 21] говорится, что в переводе Хогарта наиболее достоверно передается «ирония гооголевского текста и мысль об особом пути России».

Все прочие стимулы содержат в основе своего значения идею обоснования точки зрения говорящего, причем *dennoch* и *doch* дополнительно указывают на некоторое противопоставление, *immerhin* комбинирует обоснование с долей уступительности, а *einmal* несколько ослабляет тезис. В целом семантика русского *что ни говори* богаче значения каждого из этих немецких дискурсивных слов, поскольку дополнительно содержит наследуемую из внутренней формы идею полемики¹³. В немецких словах *doch*, *schließlich*, *dennoch*, *immerhin* и *einmal* полемический компонент вычитывается скорее из контекста, в то время как в русских переводах с помощью *что ни говори* идея имплицитного несогласия с предполагаемой альтернативной точкой зрения фокусируется, ср. (8) и (9).

- (8) „Das ist doch der Gipfel! Verleumdet erwachsene Menschen! Nein, die Jugend von heute ist *doch* zu frech!“ [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)].
«Дожили! Так клеветать на взрослых! Нет, *что ни говори*, современная молодежь никуда не годится!» [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)].
- (9) Ein wenig von einem weisen, alten Clown hatte auch er, und *schließlich* war die Figur des Harlekin in Bergamo entstanden; ich würde mir das von Genneholm, der alles wußte, bestätigen lassen [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)].
Папа напоминает мне чем-то старого мудрого клоуна; ведь *что ни говори*, а родина Арлекина — Бергамо; сам Геннехольм может это засвидетельствовать, а уж он-то все знает [Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Р. Райт-Ковалева, 1964)].

В этом смысле параллели типа *was man sagen mag*, близкие к дословным, оказываются наиболее точными, но они не настолько укоренены в узусе, как выражение *что ни говори*, являющееся единицей лексикона русского языка.

В англо-русском корпусе встретилось 19 контекстов со *что ни говори*: самым частым стимулом оказалась дискурсивная единица *after all* (6 раз). Также 6 раз в английском оригинале русскому выражению *что ни говори* не соответствует никакая лексическая единица, тем самым стимул как бы растворен в контексте. Ср. характерные примеры (10) и (11).

- (10) Filled with her own anxieties, she nevertheless watched him with affectionate pride, for Gerald was an excellent horseman [Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)].
Забыв на мгновение о снедавшей ее тревоге, Скарлетт с гордостью и нежностью любовалась отцом, ибо, *что ни говори*, а Джералд О’Хара был лихим наездником [Маргарет Митчелл. Унесённые ветром, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)].
- (11) But imagine if a man each day should have to try to kill the sun? We were born lucky, he thought [Ernest Hemingway. The Old Man and the Sea (1951)].
Ну, а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? Нет, *что ни говори*, нам еще повезло, — подумал он [Эрнест Хемингуэй. Старик и море (Е. Голышева, Б. Изаков, 1955)].

Если в (10) следы идеи, заложенной в *что ни говори*, содержатся в более широком контексте (ср. *nevertheless* в предыдущей клаузе), пример (11) не содержит никаких лексических показателей противопоставления или уступительности. Остальные стимулы встречаются по одному разу: *at last*, *however*, *take it one way and another*, *there it was*, *anyhow*, *whatever*

¹³ Ср. описание, предложенное В. Ю. Апресян [2014: 91]: «*Что (там) ни говори* употребляется в контекстах реальной или воображаемой полемики, когда говорящий признает, что его реальный или потенциальный оппонент может привести самые различные и, возможно, веские аргументы против возможности существования Q, однако при этом утверждает, что Q всё-таки имеет место». Можно было бы добавить, что в подавляющем большинстве случаев имеется в виду именно потенциальный, а не реальный оппонент. Именно аспект потенциальности полностью игнорируется автоматическими переводчиками.

d'ye think, say what you will. Среди них есть как полностью лексикализованные единицы (*at last, however, there it was, anyhow*), так и выражения, близкие к свободным словосочетаниям (*take it one way and another, what ever do you think, say what you will*). Что касается лексикализованных дискурсивных единиц, они, как и подобные немецкие выражения, не вполне точно передают идею, заложенную в русском выражении *что ни говори*. Ср. характерные примеры (12) и (13).

- (12) But you girls must stand up for me if the church members want to run me out of town for doing it. *However*, it's for the hospital. You'll see [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 1 (1936)].

И я надеюсь на ваше заступничество, если наши церковницы решат изгнать меня из города. Ведь я же, *что ни говори*, стараюсь для раненых. Словом, вы увидите [Маргарет Митчелл. *Унесённые ветром*, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)].

- (13) "*Anyhow*," he said, "it is nearly Luncheon Time" [A. A. Milne. *Winnie-the-Pooh* (1926)]. — *Что ни говори*, а уже пора обедать, — сказал он [Алан Александр Милн. *Винни-Пух* (Б. Заходер, 1960)].

Итак, мы видим, что такие переводы, как (1), (2), (4) и (5), едва ли годятся в качестве материала для установления степени лингвоспецифичности русского выражения *что ни говори*. В этих и подобных случаях переводчик следует стратегии формы, то есть стремится максимально точно передать не только смысл переводимого русского выражения, но и его лексико-синтаксическую структуру. В результате может создаться впечатление, что конструкция *что ни говори* имеет в немецком и английском языках практически дословный эквивалент с аналогичным значением (например, немецкое *was man auch sagen mag*). Однако эти выражения используются в оригинальных немецких и английских текстах существенно реже, нежели *что ни говори* в русских текстах (не случайно они практически не встречаются в качестве стимулов для появления в русском переводе выражения *что ни говори*). Едва ли они могут считаться лингвоспецифичными выражениями немецкого и английского языка, хотя и не противоречат системе этих языков. В этом смысле они не могут быть функциональными эквивалентами русского выражения. Представляется нежелательным включение их в двуязычные словари в качестве переводных эквивалентов, поскольку такое решение будет вводить в заблуждение пользователя. В силу сказанного при использовании данных параллельных корпусов для решения лингвистических задач и для установления межязыковой эквивалентности нецелесообразно опираться на переводы, в которых прямолинейно применяется стратегия формы¹⁴. Вероятно, было бы желательно включение фраземы *что ни говори* (и других подобных фразем) в двуязычные словари с семантически и прагматически более адекватными переводами: *doch, schließlich, dennoch, immerhin und einmal* (для немецкого языка) и *after all, at last, however, anyhow* (для английского языка). Такие корреляты, конечно же, не отражают лингвоспецифичности фраземы *что ни говори* и оказываются почти совпадающими с эквивалентами фразем *как бы то ни было, как ни крути* и т. п. Однако это в большинстве случаев лучше, чем дословные переводы, поскольку при таком способе перевода семантический сдвиг минимален. Особенно полезно было бы включение таких фразем с переводами в лексикон автоматических переводчиков.

¹⁴ Положение, согласно которому не все переводные тексты, встретившиеся в параллельных корпусах, могут использоваться для установления межязыковой эквивалентности, высказывалось в статье [Разлогова 2017]. Однако предложенное ею решение, в соответствии с которым путь для получения более объективных данных видится в конструировании «нейтрального перевода», представляется сомнительным, поскольку получается, что исследователь сам изготавливает для себя эмпирический материал.

Выводы

В целом можно говорить по крайней мере о восьми различных типах параллельных художественных текстов, которые в разной степени могут использоваться как материал для изучения лингвоспецифичных единиц.

1. Автор текста русского оригинала ориентируется на традиционный дискурс, а переводчик следует стратегии смысла и порождает текст, максимально соответствующий нормам принимающего языка. Такие переводы могут использоваться для изучения лингвоспецифичных выражений как языка оригинала, так и языка перевода и для установления межъязыковой эквивалентности.
2. Автор текста русского оригинала ориентируется на традиционный дискурс, а переводчик следует стратегии формы и порождает текст, сильно отклоняющийся от норм принимающего языка, в результате чего перевод оказывается не вполне адекватным (в тексте перевода обнаруживаются языковые аномалии, не предполагавшиеся исходным замыслом). В частности, это могут быть дословно переведенные идиомы и конвенционализированные метафорические выражения. В этом случае у читателя перевода создается ощущение новаторского текста, что совсем не предполагал «охранительный» автор, который просто употреблял расхожие выражения своего языка.
3. Автор русского оригинала является не «охранителем», а новатором, причем переводчик ориентируется на стратегию смысла, то есть создает текст, игнорирующий авторские отступления от нормы исходного языка. Такой перевод можно считать неудачным с точки зрения адекватности передачи художественных особенностей произведения, но он может использоваться для изучения лингвоспецифичных выражений L2 наряду с оригинальными текстами на этом языке.
4. Автор русского оригинала является новатором, а переводчик следует стратегии формы, порождая текст, сильно отклоняющийся от норм принимающего языка. Такой перевод может быть высококлассным произведением художественной прозы, однако он не дает оснований для лингвистических выводов – ни о L1, ни о L2.
5. Автор текста иноязычного оригинала ориентируется на традиционный дискурс, а русский переводчик следует стратегии смысла и порождает текст, максимально соответствующий нормам русского языка. Этот случай более всего эффективен для изучения русских языковых конвенций, и в частности, семантики и прагматики русских лингвоспецифичных слов и выражений, поскольку мы имеем дело с русским текстом, для которого уже готово его семантическое представление в виде иноязычного оригинала.
6. Автор текста иноязычного оригинала ориентируется на традиционный дискурс, а переводчик следует стратегии формы и порождает текст, сильно отклоняющийся от норм русского языка. Тогда мы получаем текст, изобилующий языковыми аномалиями, который может использоваться как источник «отрицательного языкового материала» (в понимании Л. В. Щербы), полезный с точки зрения сопоставительных семантических исследований.
7. Автор иноязычного оригинала является не «охранителем», а новатором, причем переводчик ориентируется на стратегию смысла, то есть создает текст, игнорирующий авторские отступления от нормы исходного языка. Такой перевод может оцениваться невысоко с точки зрения переводческого искусства, а с точки зрения лингвиста, он может рассматриваться наряду с оригинальными русскими текстами.
8. Автор иноязычного оригинала является новатором, а переводчик следует стратегии формы, порождая текст, сильно отклоняющийся от норм русского языка. Такой перевод может использоваться как источник «отрицательного языкового материала», интересный с точки зрения специфики авторского идиостиля оригинального текста. Однако на русском языке он мало что говорит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2014. [Apresyan V. Yu. *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke. Dokt. diss.* [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in the language. Doct. diss.]. Moscow: Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2014.]
- Гак 1999 — Гак В. Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999. № 2. С. 18–29. [Gak V. G. Pushkin's prose and its French translations. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1999. No. 2. Pp. 18–29.]
- Добровольский 2003 — Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и литературный перевод // НТИ. Сер. 2. 2003. № 10. С. 13–18. [Dobrovol'skij D. O. Parallel text corpus and literary translation. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. 2003. No. 10. Pp. 13–18.]
- Добровольский 2007 — Добровольский Д. О. Еще раз о непереводе в переводе (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») // Язык и действительность: Сб. научн. трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 324–334. [Dobrovol'skij D. O. The untranslatable in translation revisited (based on F. M. Dostoevsky's novel «The Idiot»). *Yazyk i deistvitel'nost': Sb. nauchn. trudov pamyati V. G. Gaka*. Moscow: LENAND, 2007. Pp. 324–334.]
- Дорошевский 1974 — Дорошевский В. О задачах и проблемах перевода // Белошапкова В. А., Толстой Н. И. (ред.). Исследование по славянской филологии. Сб., посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 25–28. [Doroszewski W. On the aims and problems of translation. *Issledovanie po slavyanskoi filologii. Sbornik, posvyashchenniy pamyati akademika V. V. Vinogradova*. Beloshapkova V. A., Tolstoy N. I. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1974. Pp. 25–28.]
- Зализняк, Левонтина 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 307–335. [Zalizniak Anna A., Levontina I. B. Reflection of the «national character» in the Russian lexicon. Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005. Pp. 307–335.]
- Ларсон 1993 — Ларсон М. Смысловой перевод. Руководство по теории межъязыковой эквивалентности и ее практическому применению. СПб.: СПбГУ, 1993. [Larson M. *Smyslovoi perevod. Rukovodstvo po teorii mezh'yazykovoi ekvivalentnosti i ee prakticheskomu primeneniyu* [Semantic translation. A manual on the theory of interlingual equivalence and its practical application]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 1993.]
- Левонтина 2005 — Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 247–258. [Levontina I. B. «Dostoevsky's nadryv». Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005. Pp. 247–258.]
- Михеев, Эрлих 2018 — Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2018. № 2. С. 25–34. [Mikheev M. Yu., Erlikh L. I. Idiostyle profile and determination of the text authorship by reference to the frequencies of function words. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2018. No. 2. Pp. 25–34.]
- Мороз 2010 — Мороз Н. А. Лингвокогнитивные аспекты перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2010. [Moroz N. A. *Lingvokognitivnye aspekty perevoda poemy N. V. Gogolya «Mertvye dushi» na angliiskii yazyk. Avtoref. kand. diss.* [Linguocognitive aspects of N. V. Gogol's poem «Dead Souls» translation into English. Author's abstract of the cand. diss.]. Tyumen': Tyumen' State Univ., 2010.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Разлогова 2017 — Разлогова Е. Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73. [Razlogova E. E. Standard and non-standard versions of translation. *Voprosy Jazykoznanija*. 2017. No. 4. Pp. 52–73.]
- Рябцева 2012 — Рябцева Н. К. Концепция художественного перевода Питера Ньюмарка и переводческая техника // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи.

- М.: Индрик, 2012. С. 19–30. [Ryabtseva N. K. Peter Newmark's concept of literary translation and translation technique. *Logicheskii analiz yazyka. Perevod khudozhestvennykh tekstov v raznye epokhi*. Moscow: Indrik, 2012. Pp. 19–30.]
- Федоров 1983 — Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. [Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983.]
- Шмелев 2012 — Шмелев А. Д. Перевод «непереводимого» // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. М.: Индрик, 2012. С. 44–54. [Shmelev A. D. Translation of the «untranslatable». *Logicheskii analiz yazyka. Perevod khudozhestvennykh tekstov v raznye epokhi*. Moscow: Indrik, 2012. Pp. 44–54.]
- Beekman, Callow 1974 — Beekman J., Callow J. *Translating the word of God*. Grand Rapids: Zondervan, 1974.
- Delabastita 1993 — Delabastita D. *There's a double tongue: An investigation into the translation of Shakespeare's wordplay. With special reference to Hamlet*. Amsterdam: Rodopi, 1993.
- Newmark 1993 — Newmark P. *Paragraphs on translation*. Clevedon: Multilingual Matters, 1993.
- Rakusa 2004 — Rakusa I. Rand oder Mitte, ist nicht die Frage. Vom Übersetzen aus slawischen Sprachen. *Passagen / Passages*. 2004. Vol. 36. Pp. 30–33.
- Reiß 1995 — Reiß K. *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen*. Snell-Hornby M., Kadric M. (Hrsg.). Wien: WUV-Univ., 1995.

Получено / received 09.01.2018

Принято / accepted 17.04.2018